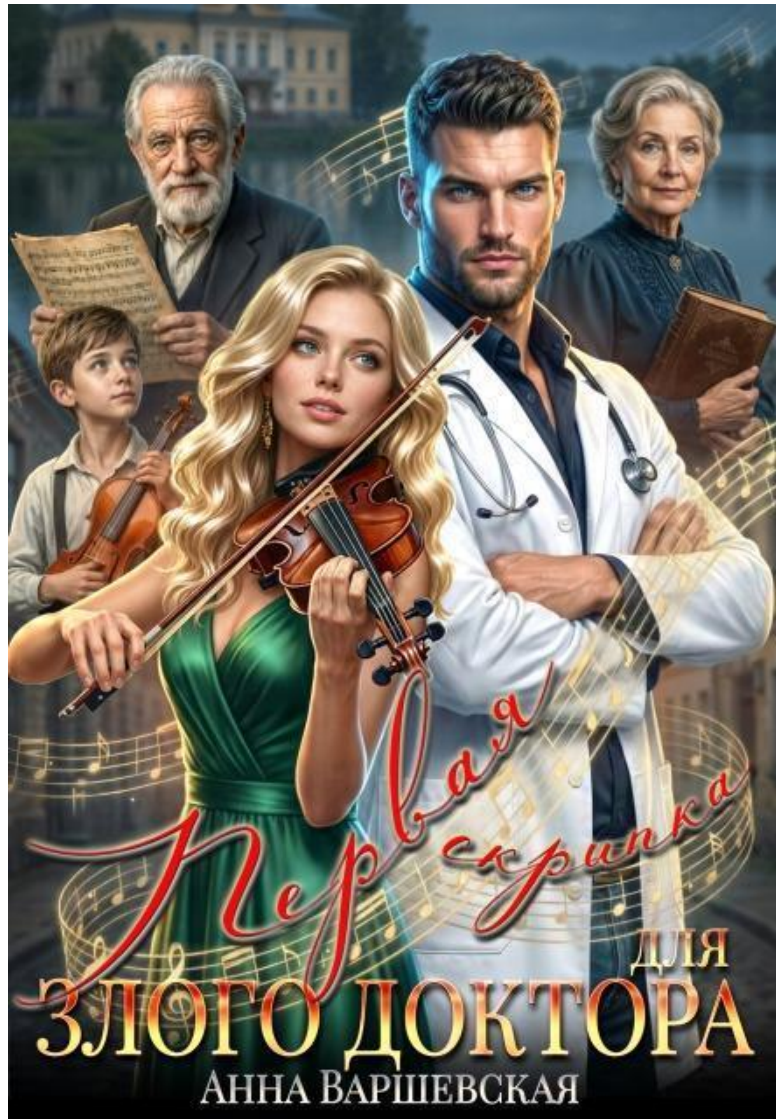




Первая скрипка

ДЛЯ
ЗЛОГО ДОКТОРА

АННА ВАРШЕВСКАЯ

Анна Варшевская

Первая скрипка для злого доктора

<https://litres.ru/74221233>

Аннотация

– Ты так злишься только из-за того, что я не рухнула к твоим ногам! – выпаливаю ему в лицо. – У кого о чём болит, – хмыкает он язвительно. – Может, это просто ты меня хочешь? – Я?! Сдурел?! – Нужны доказательства? Сейчас будут!

* * * Она – любимица коллег и учеников, обожает свою работу и место, где живёт. Он – в бешенстве от того, что вынужден вернуться в город своего детства. Они не выносят друг друга всю свою сознательную жизнь. Но как быть, если эта жизнь продолжает сталкивать их снова и снова?

скрипачка, которой палец в рот не клади # врач-кардиолог - настоящий мужчина, но с характером # небольшой город, где разворачиваются большие события # страсть, любовь и юмор # счастливый финал

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Пролог

– Как же ты меня бесишь, дочь маминой подруги! – шипит он мне на ухо, прижимая к роялю, стоящему на сцене возле кулис, за опущенным занавесом.

– Это взаимно, сын коллеги по работе! – бью его по рукам, которые уже давно сползли с моей талии значительно ниже, чем положено правилами приличия. – Вот только я знаю, почему ты меня раздражаешь. А ты – нет!

– Чего я не знаю?! Что ты самое противное и занудное создание, которое мне встречалось в жизни? Скрипа-ачка! – тянет он издевательски.

– Ты так бесишься только из-за того, что я не рухнула к твоим ногам, сражённая твоим обаянием! – выпаливаю ему в лицо.

– Ты сейчас серьёзно? – он ошарашенно качает головой. – Ты что, и в самом деле полагаешь, что я могу...

– Ну, я же не дура, – на секунду перестав вырываться, наоборот, прижимаюсь к нему сильнее, и чувствую... Что и требовалось доказать!

Мужчина скрипит зубами, сдвигается, разворачиваясь боком.

– Это ничего не значит! Обычная физиология – не больше!

— Ну, тебе лучше знать, ты же у нас врач, Антошка, — поддеваю его, зная, как он ненавидит этот вариант своего имени. — Но факт остаётся фактом — твоя физиология рядом со мной шевелится как-то чересчур активно.

— Ах, ты... — он останавливается на секунду, а потом по его губам расплывается кривая язвительная усмешка. — У кого что болит, знаешь ли! Значит, и ты меня хочешь, раз тебе такое в голову пришло.

— Я?!

— Ну а кто ж ещё, Алёнушка, — он довольно изгибает бровь. — И есть простой способ это доказать!

Я открываю рот, чтобы возмутиться, но ничего не успеваю сделать. Потому что меня сильнее прижимают к инструменту и впиваются мне в губы злым поцелуем. Возмущённо мычу, пытаюсь высвободиться, слышу скрип колёсиков рояля... Чёрт подери, неужели их не закрепили?! А потом застываю от ужаса, практически перестав чувствовать моментально заледеневшие руки и ноги.

Потому что это скрипят не колёсики. Это поскрипывает механизм, который перед сегодняшним концертом должны были смазать, но, видно, забыли и не сделали.

Тот механизм, который в эту самую секунду поднимает занавес.

Дорогие мои, добро пожаловать в книгу!

Нас ждёт история, полная эмоций, страсти и любви!

*Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять,
и, пожалуйста, не забывайте ставить звёздочки! Вам
это совсем не сложно, а автору очень приятно! ##*

Глава 1

Алёна

– Ну, Алёна Михайловна-а, – тянет Вовочка.

Не тот Вовочка, который известный персонаж анекдотов, а мой ученик. Хотя как минимум десяток тех анекдотов придуман точно про моего Вовочку.

– Вова! – терпение моё кончается, хотя вообще-то я человек очень терпеливый.

Все музыканты такие. Ну, хорошо, может и не все... но среди педагогов точно есть какой-то процент. Очень небольшой. Стремящийся к нулю.

– Знаешь, что происходит с мухой в автобусе, Вова? – спрашиваю ребёнка, и тот мотает лопоухой головой. – Она одновременно летит и едет! Как моя крыша от тебя в эту самую минуту! Не мучай свою скрипку и мои нервы, а? Иди домой уже!

– Меня бабушка отругает, – шмыгает носом мальчик. – Скажет, что я не занимался.

– Так ты и не занимался, – торопливо собираю разлетевшиеся по столу ноты оркестровой партитуры. – Солнце моё, ну не могу я тебя допустить к концерту! Две сводных репетиции оркестра осталось! Две! А ты партию свою не знаешь!

– Я выучу-у, – снова заводит свою песню Вовочка.

– Уф-ф! Вова!

– Ну, Алёна Миха-айловна-а! Можно я сейчас поучу, а вечером приду, и вы меня ещё послушаете?

Ну да, преподавателю же не надо отдыхать. Чем ещё заниматься-то вечером, кроме как являться в музыкальную школу на дополнительный урок, который никто не оплатит. Смотрю на наливающиеся слезами глаза ребёнка и давлю в себе печальный вздох.

– В восемь вечера приходи, – сдаюсь. Как всегда. – Полчаса дам тебе. Полчаса, не больше!

– Спасибо, АлёнМихална! – слёзы у Вовы тут же высыхают. – Я пошёл тогда!

– Опоздаешь хоть на пять минут – ждать не буду! – грожу пальцем юному скрипачу, уже бегущему к выходу.

– Не опоздаю! Чесслово, АлёнМихална!

Хлопает дверь кабинета, и у меня заламывает виски. Кидаю взгляд на часы и подрываюсь с места. У меня вообще-то тоже репетиция.

От музыкальной школы – точнее, школы искусств, как она недавно стала называться – до здания нашего Дворца культуры, который одновременно и концертный зал, и театр, и зал заседаний местного совета (а при необходимости – и свадебный, и даже ритуальный) можно добраться на трамвае. Который долго и нудно объезжает по периметру целый квартал и только потом спускается вниз, к широкой набережной.

Но дорога по прямой – это для слабаков. Зачем, если можно свернуть в одну подворотню, нырнуть в другую, пробежать мимо двух покосившихся, зияющих пустыми оконными проёмами деревянных домов, которые не торопятся сноситься, проскочить «элитную» многоэтажку, которая возвышается среди прочих самых обычных «панелек», как клык вампира в нижнем ряду зубов, пересечь наискосок центральный городской сквер – и вот ты уже у служебного входа.

По высоченной ведущей наверх лестнице я взлетаю в последнюю минуту. Вахтёрша на входе приветливо кивает и тут же сообщает шёпотом:

– Алёнушка, Пал Петрович с Йосей Давыдычем снова ругаются!

– Ох! – меня аж передёргивает.

Споры между дирижёром и первой скрипкой оркестра – дело, в общем-то, житейское. Оба считают себя самыми главными. Но если учесть, что на двоих им уже давно перевалило за сто пятьдесят лет, можно представить, какие формы приобретает их противостояние.

Моя проблема в том, что я – помощник концертмейстера. То есть первой скрипки – того скрипача, с которым дирижёр в начале концерта здоровается за руку, даже если за пять минут до этого они собачились за сценой. А я сижу слева от него за пультом или пюпитром – так называется та хлипкая одноногая конструкция, на которую мы ставим ноты. Для молодой скрипачки всего три года как из консерватории – нехи-

лая карьера, между прочим! Потому что именно я в случае чего заменяю первую скрипку! А ещё я ученица Иосифа Давидовича. Той самой первой скрипки. Или того самого? А Пал Петрович – наш дирижёр и тоже скрипач – преподавал у меня дирижирование в музыкальном училище.

И крайней в их спорах, если не успеваю вовремя сбежать, тоже всё время оказываюсь я!

Разговор на повышенных тонах доносится до меня уже на подходе к оркестровой яме.

– Ну чего там? – шёпотом спрашиваю у Толика, нашего гобоиста.

– Как всегда, – мученически вздыхает тот. – А мне ещё дочку из школы забрать надо!

Весь оркестр рассосался кто куда и не торопится внутрь – никому не хочется случайно оказаться виноватым в том, что переписчик, который пару сотен лет назад переписывал ноты композитора для печати, торопился и поставил какую-нибудь закорючку не там, где надо. Зато все двести лет первым скрипкам есть, чем заняться – например, до хрипоты спорить с дирижёрами, как именно эту закорючку следует играть.

– Вы, Иосиф Давидович, здравый смысл-то подключите!

– Здравый смысл, Павел Петрович, тут не работает – вы же за пультом стоите!

– Ну так вселенскую глупость тогда используйте! У вас запас наверняка найдётся!

– Не смею возражать вам, маэстро, вы в этом первый!

– Да я с вами уже дирижировать разучился... где оркестр?

Оркестр где, я вас спрашиваю?! Репетиция давно, можно сказать, идёт, а яма пуста!

– Могильная, – хмыкает мне на ухо Толя.

Я поворачиваюсь к нему и киваю, подталкивая к двери.

– Коллеги! – шиплю суфлёрским шёпотом. – Вылезаем быстро! Ноги в руки, смычки в зубы, бегом!

– Ага, а духовые пусть в это время берут в рот, – язвит Толик.

– Тьфу на тебя, пошляк! Вперёд, ты у нас главный, иди давай, дуй головой свою ля.*

– Смотри, чтоб два наших мастодонта тебя не услышали, – оборачивается ко мне гобоист. – Каждый из них знает, что главный – он.

Вздыхнув, прохожу внутрь последней и тороплюсь к своему месту.

Репетиция проходит сносно. Ну, если не считать пары взрывов дирижёра, который – из-за весеннего обострения, не иначе – решил вдруг поинтересоваться, что там играют самые дальние от него струнные. Спойлер – разумеется, не то, что ему нужно. И вообще, удавить бы нас всех нашими же струнами – общее звучание от этого только выиграет. Впрочем, духовикам тоже посоветовали набрать побольше воздуха и задохнуться, раз уж играть не умеют.

После репетиции я очень удачно успеваю улизнуть, пока наши маэстро не взяли меня в оборот, огибаю дворец, перебегаю через дорогу и спускаюсь к набережной, которая уже светится вечерними фонарями. Город, где я родилась, росла, училась, а теперь продолжаю жить и работать, раскинулся у озера, можно сказать, нашей жемчужины. И набережная – место, где встречаются, расстаются, бегают по утрам и гуляют по вечерам... Короче говоря, это местная Пятая Авеню пополам с Бродвеем.

Подхожу ближе к перилам, вдыхаю холодный вечерний воздух. Солнце только что зашло – закаты у нас как раз над озером – и горизонт ещё расцвечен всеми красками от алого до тёмно-фиолетового. Зимой тут всех сдувает напрочь. Но сейчас уже весна. Невольно улыбаюсь, глядя на разноцветное отражение фонарей в воде. Скоро фестиваль... Он всегда проходит весной – в честь дня рождения знаменитого композитора, которого угораздило родиться в нашем городе.

Или посчастливилось. Нам-то вот точно посчастливилось – кому бы иначе было известно это место. Хотя вряд ли бы с этим согласились поколения детей, которых мучили и продолжают мучить классической музыкой, во множестве написанной этим самым композитором для всех видов музыкальных инструментов. Плодовитый был товарищ! Кстати, о мучениях... Ко мне же в восемь Вовочка придёт!

Вдохнув последний раз запах озера, разворачиваюсь. В темноте добираться до музыкалки подворотнями нет ника-

кого желания. К счастью, из-за угла выворачивает трамвай. Повезло!

Выслушав несчастного ребёнка – вот не зря скрипка происходит от слова «скрипеть» – я обещаю ему, что если он продолжит репетировать, как сегодня, участие в отчётном концерте ему обеспечено. Директор школы и по совместительству дирижёр школьного оркестра наверняка захочет меня придушить, но если выбирать между ней и Вовиной бабушкой, лучше уж директор. Для неё я, по крайней мере, штатная единица, просто так в утиль не спишешь.

Со скрипкой наперевес устало тащусь домой. В такие минуты искренне радуюсь, что я не виолончелистка. Сначала поднимаюсь на свой третий этаж, отношу инструмент, кормлю свою пушистую дымчато-серую кошку Лиру. А потом спускаюсь на этаж ниже.

– БабАнь, это я! – кричу из коридора, открыв дверь своим ключом.

– Алёнка, проходи! – доносится из гостиной.

Странно. Бабушка в это время обычно на кухне сидит. Прохожу в комнату и чуть не вздрагиваю.

– Добрый вечер, Жанна Вадимовна, – улыбаюсь пожилой женщине, бывшей бабушкиной коллеге.

– Добрый, добрый, Алёнушка, – она расплывается в ответной улыбке, и я напрягаюсь. Нетипично для неё. – Такие новости!

– Какие? – кидаю на бабушку подозрительный взгляд, но

та сосредоточенно наливает чай.

— Антоша возвращается! — выдаёт Жанна Вадимовна. — Представляешь? Решил пожить здесь какое-то время!

Вот же ёп... перный театр!

— Я уже сказала, что ты будешь очень рада его видеть!

О да. Ещё как рада. За что ж мне такое счастье-то?

— У меня завтра педсовет с утра, ты же сможешь его встретить? — Жанна Вадимовна просто лучится от удовольствия, глядя на меня, а я, офигев, плюхаюсь на диван, чуть не промахнувшись мимо него.

— Встретить?!

—

** Перед началом концерта концертмейстер (первая скрипка) даёт знак гобоисту, который берёт ноту ля — по ней настраиваются все остальные инструменты в оркестре.*

Глава 2

Антон

– Конечная через полчаса! Полчаса до конечной станции, – доносится до меня через дверь голос проводницы.

Слезаю со своей полки и выхожу в узкий проход купейного вагона. Опираюсь на поручень у окна, рассеянно глядя на суматоху, которая поднимается после слов проводницы. Никогда не понимал, и зачем люди так торопятся выйти? Что, боятся, что их увезут обратно? Или это просто желание поскорее оказаться там, куда ехали?

В груди опять противно сжимается. Я бы не отказался остаться в поезде – и пусть бы меня увезли обратно, откуда приехал.

– Милый, поможешь мне сумки-то спустить, а? – в коридор выходит бабка, ехавшая напротив, которая всю дорогу пыталась втянуть меня в разговор.

Давлю в себе раздражение. Она не виновата, что вся моя жизнь полетела к чёрту.

– Помогу, – киваю равнодушно и снова отворачиваюсь к окну.

– Дак подъезжаем же уже скоро!

– Не подъехали ведь ещё! – огрызаюсь невольно. – Вот как

подъедем, так и помогу!

Поезд уже начинает заметно тормозить, хотя кажется, что до города ещё далеко. Вспоминаю, как в студенчестве один раз приезжал сюда с компанией друзей. Дело было зимой, и они здорово растерялись, когда поезд остановился, по их мнению, чуть не в чистом поле – хотя впечатление было обманчивым. Просто вокзал расположен на одной из городских окраин.

Помогаю бабке расправиться с её баулами – и куда она прёт столько вещей?! – и сам наконец спрыгиваю с высокой подножки вагона. Тут же в очередной раз накатывает глухое раздражение. Вот ведь, город крупный, практически региональный центр, но сделать нормальную платформу для поездов они не в состоянии!

– Ты сам как бабка, – ворчу себе под нос и, подхватив чемодан, иду в сторону привокзальной площади.

Можно было бы доехать до дома на трамвае... Но я ненавижу трамваи! С тоской вспоминается метро в столице. Заставляю себя выкинуть из головы поганые мысли и иду к стоянке такси.

Слава богу, водитель попадаетесь молчаливый. Откидываюсь назад, чтобы не видеть города, по которому мы едем. Как же меня всё здесь раздражает! Эта мешанина из зданий, когда старые, до сих пор не снесённые бараки соседствуют с торговыми центрами, сверкающими стеклом и металлом. Это чёртово озеро с его чёртовой набережной... Улицы, пе-

рекрёстки, скверы, церкви, школы, больницы – каждый угол знаком, всё исхожено-перехожено.

Как я надеялся никогда сюда не возвращаться. И вот, пожалуйста. А ведь винить некого – сам во всём виноват.

Такси тормозит возле нужного подъезда. Выхожу, достаю чемодан из багажника и останавливаюсь, не дойдя до двери. Чёрт, мать же что-то говорила насчёт ключей...

– Тоха, ты что ль?!

Резко оборачиваюсь на мужской голос.

– Привет, Коль, – киваю и пожимаю протянутую руку.

– Ну офигеть, – тянет бывший одноклассник. – А я думаю: ты – не ты? К матери приехал что ли?

Неопределённо киваю. Рано или поздно все будут в курсе, что мне придётся здесь задержаться. Но лучше пусть это произойдёт попозже.

– Круто, – тянет Николай, чешет в затылке. – Ну, увидимся, что ли? Надо собраться, посидеть.

– Да, конечно, – снова киваю.

– Ага, – мужчина кивает в ответ. – Ну, бывай!

Достаю мобильный и звоню матери. Она говорила, что домофон у неё не работает. Гудки идут, но ничего не происходит. Да что за...

– У Жанны Вадимовны педсовет, – раздаётся за моей спиной ледяной голос. – Она просила встретить тебя и передать ключи.

Да ладно?! Этот день – просто рекордсмен на дерьмовые

встречи!

Снова разворачиваюсь. Первое, за что цепляюсь глазами – глубокое узкое декольте, открывающее весьма неплохой вид. А она округлилась с тех пор, как мы виделись последний раз.

Антон, мать твою! Забудь вообще! Поднимаю взгляд и вижу презрительную гримасу на знакомом лице.

– А ты не изменился, – пренебрежительно кривит губы Алёна, складывая руки на груди и закрывая мне обзор.

– Да и ты тоже, – хмыкаю, чтобы её поддеть. Откровенно рассматриваю с ног до головы, заставляя девушку покраснеть от злости.

– Твои ключи, – она всовывает мне в ладонь связку и разворачивается, собираясь уходить.

– Что, даже не скажешь мне «с приездом»? – бросаю ей в спину.

– А что, ты рад приезду? – кидает она язвительно через плечо.

Втягиваю в себя воздух. Мелкая зараза! Права, как всегда – и от этого раздражает ещё сильнее.

– Конечно, рад, – говорю негромко, больше из желания оставить за собой последнее слово, но Алёна слышит.

– Ну-ну, – доносится до меня саркастическое.

Догнать её что ли и шлёпнуть по заду, как в детстве? По весьма аппетитному заду, надо сказать...

Алёна скрывается в своём подъезде, а я, вздохнув и подняв чемодан, иду к своему. Точнее, материному. Жить здесь

я не собираюсь, этого ещё не хватало. Есть старая квартира отцовских родителей, устраюсь там. Но ключи от неё всё равно у мамы. Да и увидеться, конечно, нужно, хоть и не очень хочется.

В квартире всё по-старому. Такое ощущение, что вообще ничего не поменялось с тех пор, как я закончил школу и свалил отсюда с намерением никогда не возвращаться. Ну, приезжал повидаться, понятное дело, но никогда даже не думал, что когда-нибудь приеду надолго.

Чёрт, аж зубы сводит. Как минимум год мне здесь торчать! А может, и больше!

Плюнув на всё, быстро потрошу чемодан, достаю свои дипломы, свидетельства о повышении квалификации – короче, всё, что нужно для устройства на работу. Не могу сидеть в квартире! Атмосфера давит. Лучше уж пойти делом заняться. Чем быстрее устраюсь – тем быстрее съеду.

В городе несколько больниц. Главная городская – комплекс зданий, раскинувшийся на большой территории в одном из районов, примыкающих к обширному парку, почти лесу. Ведомственная – отдельная для сотрудников огромного металлургического завода, градообразующего предприятия, где работает не меньше трети жителей города. В последние пару десятков лет и несколько частных клиник открылись. Но я иду не туда.

На перекрёстке одного из центральных проспектов горо-

да, в глубине, за густо высаженными деревьями стоит здание красного кирпича. Его не видно с улицы – это обширное двухэтажное строение с высокой крышей и колоколенкой сверху. Вообще-то она называется как-то по-другому, но мы с парнями всегда называли её колокольней. Красная больница.

Никогда не любил историю – не моё это. Но про Красную больницу я знал почти всё – что её больше века назад построил известный архитектор на деньги двух купцов-благотворителей, что до революции это была богадельня, в годы войны – госпиталь, куда свозились эвакуированные с фронта раненые. Это здание всегда возбуждало моё воображение. Попав туда однажды, именно там я впервые решил, что стану врачом. И если уж пойду работать – то туда.

Плюс небольших городов – в рабочее время все на месте, и попасть к главврачу не проблема. Это в столице попробуй договорись о встрече – там главные либо по конференциям рассекают, либо где-нибудь в министерствах, и вообще слишком важные шишки. Здесь, стоит сказать, что я по поводу трудоустройства, как мне тут же показывают нужный кабинет.

Главврач рассматривает мои бумаги так долго, что я начинаю нервничать. Потом поднимает глаза.

– Антон Сергеевич, я в некотором недоумении, – смотрит на меня внимательно. – Не поймите неправильно, просто не ожидал вас здесь увидеть.

– У вас нет мест для врача-кардиолога? – уточняю сухо.

– Что вы! В республике врачей дефицит! – машет рукой мужчина. – Просто у вас такой послушной список... Это невероятная удача для нас, – слегка улыбается. – Но меня удивляет, что вы в принципе здесь делаете?

Этого вопроса я ждал. И даже придумал на него ответ.

– Пришлось переехать. У матери плохо со здоровьем.

– Жанна Вадимовна болеет?! – встревоженно уточняет главный, а мне хочется плюнуть с досады.

Здесь ведь все всех знают! Об этом я не подумал, точнее, просто забыл, что уж моя-то мать точно личность известная... Завуч в самой престижной школе города. Наверняка у главврача там либо дети учились, либо внуки учатся. Вот же чёрт подери.

– Не то чтобы болеет, – пытаюсь выкрутиться, – она не жалуется...

– Не жалуется?! – главный хмурится. – Точно что-то не так. Она проверялась?

– Вы же понимаете, с ней бывает очень сложно... – наконец выдаю в отчаянии.

– Это да, – мужчина сочувственно кивает. – Понимаю, конечно.

Ещё бы он не понимал.

– Поэтому я решил какое-то время пожить здесь, чтобы быть рядом.

Вроде бы сошло за правду. Конечно, я всегда могу пойти

в частную клинику. Но не хочу! А если сейчас меня не возьмут... об этом моментально станет известно. Сжимаю кулаки, глядя, как врач перелистывает страницы моего личного дела и закрывает его. Ну же, давай!

— Ну что ж, — главный поднимает глаза от папки, — Антон Сергеевич, вы приняты! Будем очень рады с вами поработать!

Незаметно выдыхаю и, поднявшись, пожимаю протянутую кисть.

— Работы у нас хватает, — продолжает мужчина, уже переходя на деловой тон. — Сами понимаете, сложно сейчас с врачами. Поэтому если возможность у вас есть, я бы предложил прямо завтра и приступить.

— Отлично, я не против, — киваю ему. — Завтра так завтра.

Выйдя из больницы, решаю пройти до дома пешком. В этом районе по обе стороны дороги, кроме Красной, есть и другие больничные корпуса. Вот детская поликлиника, напротив — роддом. Иду медленно, выбирая места, где нормально проложен тротуар. В детстве здесь приходилось прыгать чуть не по кочкам между луж. Сейчас всё, конечно, изменилось, хоть и не до конца — кое-где под ногами брусчатка, которую, наверное, ещё по распоряжению тех самых купцов-благотворителей укладывали.

Уже когда дохожу до материного дома, замечаю у соседнего подъезда двух женщин. Одна из них — Алёна, невольно окидываю мелкую заразу взглядом и чувствую, как что-то

шевелится внутри. Всё-таки она изменилась. Миниатюрная, но с такими изгибами, что залипаешь глазами на переходе от талии к бедру. Прямо как та скрипка, на которой девчонка пикирует с самого детства.

А вторая... Чувствую, как на губы невольно наплывает улыбка.

– Антон, с приездом тебя! – тепло кивает мне Анна Павловна, Алёнкина бабушка.

Бабаня, как её звали за глаза все её ученики. Она, конечно, знала, но не обижалась. Пожалуй, единственный человек в этом чёртовом городе, кого я по-настоящему рад видеть.

– Здравствуйте, Анна Павловна, – подхожу ближе.

Алёна кидает на меня подозрительный взгляд, но тут же снова оборачивается к пожилой женщине.

– Ладно, бабань, я побегу, сегодня буду поздно.

– Беги, беги, – Анна Павловна кивает, смотрит вслед уходящей внучке, а потом переводит взгляд на меня. – Только приехал, а уже поругаться с девочкой успели?

– Нам для этого много не надо, – пожимаю плечами.

Она вздыхает.

– Жанна ещё не вернулась, пойдём, чаем хоть напою тебя, – кивает мне. – Заодно и поговорим.

Глава 3

Алёна

На очередную репетицию оркестра я опять прибегаю чуть не в последнюю минуту. Ну что поделаешь, если весна у нас – всегда самое горячее время. В музыкальной школе начинается активная подготовка к отчётным концертам, фестиваль опять же на носу, а есть ведь ещё музей... где я, вообще-то, как бы младший научный сотрудник. Очень условно, но всё же.

– О, Алён, привет, – здоровается со мной Толя на входе.

Вместе с ним внутрь заходит высокий симпатичный молодой мужчина. Смотрю на него с любопытством и ловлю ответный взгляд.

– Влад, знакомься, это Алёна, – кивает на меня Толик. – Она – та самая помощница концертмейстера, я говорил тебе. Алён, Влад гобоист, к нам пробоваться пришёл.

– Да ладно? – с восторгом хлопаю в ладоши. – Неужели?! Это замечательно! – искренне говорю мужчине, поворачиваясь к нему.

– Ну надо же, – смеётся он, – впервые меня встречают с таким энтузиазмом. Я абсолютно точно должен постараться здесь задержаться. Рад знакомству, – подхватывает мою про-

тянутую руку и оставляет поцелуй на запястье.

– Эй-эй, ты давай, не балуй, – Толя пихает его в плечо. – Ты у нас, конечно, гобой д’амур*, но...

– Серьёзно? – перевожу взгляд от одного к другому. – У вас в наличии инструмент?

– Да, – кивает Влад.

– Потрясающе, – шепчу, потому что у меня почти пропадает голос. – Это значит... значит, мы сможем сыграть «Болеро»*?! На фестивале?

– Надеюсь, – Влад улыбается мне.

– Где вы ходите? – шипит из ямы, куда мы уже зашли, арфистка. – Пал Петрович сегодня не в настроении, – суфлирует мне отдельно, еле шевеля губами, пока духовики идут к своим местам.

Киваю, благодаря за предупреждение. Ох, всем достанется...

Репетиция действительно проходит феерично. Пал Петрович просто в ударе. Не удаётся даже сделать первый прогон, когда он обрывает оркестр.

– Стоп! Стоп! Вы, да-да, вы, второй альт! Это что, ля бемоль? Вы мне тут что берёте? Вот чтоб вам жена давала, а вы взять не могли, как этот бемоль несчастный!

Прикусываю губу и утыкаюсь взглядом в пространство. В оркестре, когда на кого-то орут – а орут у нас регулярно – есть непреложное правило: не смотреть на того, кто в этот раз виноват. Потому что, во-первых, он может быть и не ви-

новат. А во-вторых, представьте себе, как бы это выглядело – весь оркестр берёт и разом поворачивается на несчастного... У нас тогда играть было бы некому, все бы шли топиться после каждой репетиции – благо озеро как раз напротив дворца.

– А вы?! Вы и правда гобой д'амур?

О, вот и новенькому прилетело. А Пал Петрович продолжает:

– За такую любовь, которую вы нам тут сейчас сыграли, сажать должны как минимум года на три! С запретом приближаться к музыкальным инструментам! Мягче мне сделайте партию! Так, ещё раз, с четвёртой цифры...

После репетиции оркестр, отдуваясь, вываливается из оркестровой ямы с намерением поскорее сбежать. Уже в холле меня снова ловит Толя.

– Слушай, будь другом, а?..

– Ни за что! – из меня вырывается стон.

– Да ладно тебе, чего ты, – обижается гобоист.

– В прошлый раз после твоего «будь другом» я вывихнула лодыжку, присматривая за твоим младшеньким, а библиотекарь со мной до сих пор не здоровается! – подхватываю скрипку. – И потом, мне бежать надо!

– Алён, честно, в этот раз всё безопасно, – Толик заискивающе улыбается. – Просто, понимаешь, Влад недавно приехал, я ему обещал, что сегодня всё покажу в городе, а у меня тут халтура нарисовалась... Ну побудь ты с ним, а?

– Интересные дела. А Влад в курсе насчёт замены? – уточняя подозрительно. – Он уже явно большой мальчик, может и сам разобраться... И вообще, я в музей опаздываю!

– Я, конечно, разберусь, – раздаётся за нашими спинами глубокий голос.

Поворачиваюсь к мужчине. Чёрт, как неловко получилось...

– Но раз уж так вышло, – продолжает Влад, – был бы очень признателен, если бы вы позволили составить вам компанию.

В глазах у него пляшут смешинки, и я немного смущаюсь. Красивый, зараза!

– Я ещё не был в музее, – добавляет и улыбается мне обязательной улыбкой.

– Это не просто музей, а самый натуральный музейный комплекс, с настоящим домом, где жила семья композитора, – объясняю Владу, – и довольно часто случаются забавные ситуации. Потому что обязательно какой-нибудь ребёнок на вопрос «где родился Пётр Ильич?» отвечает: «В музее!»

Влад откидывает голову и хохочет. Улыбаюсь его искренности. Мы медленно идём вдоль набережной – разумеется, я согласилась помочь человеку немножко освоиться. Время ещё есть, поэтому сама предложила пройтись до музея пешком, тем более что тут не так уж далеко: обогнуть озеро с одной стороны, пройти плотину, а там уже до нужного места рукой подать.

По дороге мужчина немного расспрашивает меня о городе, об оркестре и фестивале, я с удовольствием отвечаю. Мне нравится, что он не переходит на личные темы – не люблю, когда незнакомцы сразу пытаются нарушать границы. А Владу, похоже, действительно всё интересно, он то и дело фотографирует на телефон красивые виды. Надо сказать, что и день сегодня чудесный – ещё по-весеннему холодный ветер, но солнце уже немножко пригревает, и по небу несутся кучевые облака, которые отражаются в водной глади.

– Сейчас лучше уберите телефон, – подсказываю ему, когда мы подходим к плотине. – Это режимный объект, здесь нельзя снимать.

– Да? – удивляется он. – Всё так серьёзно?

– Конечно, – киваю ему. – Вон, видите высокие будки на стенах по бокам? Там солдатики стоят на посту с оружием. Не представляю, как они справляются, летом там наверняка жарища, зимой холод. Но следят внимательно.

Гобоист прячет мобильный в карман и улыбается мне.

– Нет уж, попасть под чей-нибудь прицел я не хочу. Мне только-только стало здесь нравиться!

Я немного смущаюсь под его взглядом. Потому что он вполне понятный – пристальный, откровенный, и считывается моментально. Не то чтобы я была какой-то там недотрогой или синим чулком, нет. Но считаю, что всё-таки сначала нужно немного узнать друг друга. Поэтому делаю вид, что

не заметила намёка.

– Ну вот, мы почти пришли, – показываю на небольшую парковую зону. – Здесь всё сплошь липы, а за ними дом-музей.

– У вас какая-то работа там? – интересуется мужчина.

– Я научный сотрудник, – пожимаю плечами. – Работаю с разными историческими документами, нотами... Надеюсь однажды написать диссертацию, – улыбаюсь ему и получаю ответную улыбку, – иногда вожу своих детей сюда на экскурсии...

– Детей?! У вас что, дети есть? – Влад теряется, а я невольно смеюсь.

– Я преподаватель в музыкальной школе, – качаю головой.

– Так что детей у меня много.

– А-а, ясно, – он с облегчением выдыхает.

На территории музея тихо. Обычно из динамиков играет классическая музыка – фрагменты опер, балетов, других музыкальных произведений – но сегодня у нас выходной.

– Пойдёте со мной или просто осмотритесь сначала? – поворачиваюсь к Владу. – Я здесь не задержусь, мне только кое-какие документы нужно подписать, да ещё пообщаться с директором на тему концертной площадки.

– А потом? – мужчина оглядывается вокруг, затем переводит на меня взгляд.

– Потом... – задумываюсь, – вроде бы ничего. В школе у меня сегодня уроков нет, я специально составляла расписа-

ние так, чтобы получился выходной, так что...

– Пойдёте со мной на ужин сегодня? – Влад берёт меня за руку.

Я задумываюсь на пару секунд, но почти сразу решаю – а почему нет? У меня свиданий не было уже... ну да ладно, не будем о грустном. В конце концов, я же не только преподаватель, помощник, сотрудник, и прочая, и прочая... Хочется и девушкой себя почувствовать хоть иногда!

– С удовольствием, – отвечаю уверенно и улыбаюсь.

– Я очень рад, – ответная улыбка мужчины ещё шире, чем у меня. – Вот только вам придётся подсказать мне, куда я могу вас пригласить, – мягко усмехается. – Где у вас самая хорошая кухня и приятная атмосфера?

– В ресторане «Мелодия», – пожимаю плечами, – на набережной. Мы мимо него проходили, помните?

– Ну что ж, тогда сегодня в шесть я за вами заеду? – полувопросительно смотрит на меня Влад. – А сейчас, если вы не против, отправлюсь к себе. Надо же подготовиться, – слегка усмехается.

– Конечно, – киваю ему. – Я скину вам свой адрес сообщением.

– Буду ждать с нетерпением, – гобоист снова подхватывает мою руку и склоняется над кистью в поцелуе, надо сказать, весьма элегантном.

Смотрю вслед мужчине, пока он не выходит за ворота – ещё и успевает повернуться и махнуть мне рукой – а потом,

когда его скрывает высокий забор, торопливо иду к главному корпусу.

– Алёнка! – встречает меня в гардеробе возле стоек информации моя подруга и один из наших экскурсоводов Эля. – Это что это за красавец тебя провожал?! А ну, колись немедленно! Брат у него есть?

– Элька, – невольно закатываю глаза и смеюсь, – ты в своём репертуаре! Это наш новый гобоист.

– Чей это – ваш?

– Нашего оркестра, – поясняю, скидывая куртку. – Сегодня первый раз был на репетиции.

– А чего это он тебе ручки целовал? – хитро косится на меня Эля.

– А ты, значит, подсматривала, глазастая ты наша, – укоризненно качаю головой.

– Не подсматривала, а просто посмотрела в окно. А там вы, – подруга надувается.

– Да ладно, я же шучу, – поёживаюсь, что-то сегодня в музее прохладно. – Он пригласил меня на ужин.

– И ты, конечно, согласилась?! – Элька молитвенно складывает ладошки.

– Конечно... да, – округляю глаза, делая паузу перед последним словом.

– А-а-а, Алёнка! Ну наконец-то! – пищит подруга, радостно потрясая кулачками. – А то ты скоро в старую деву превратишься, вот честное слово...

– Но-но-но, я бы попросила, – вздыхаю, поправляю у зеркала растрепавшиеся волосы.

Надо, наверное, всё-таки переплести косу. Стягиваю резинку, зажимаю её зубами – положить некуда – и быстро начинаю приводить голову в порядок, а потом вспоминаю: – Ох, Эль, я ж чего сказать забыла... – голос звучит невнятно из-за резинки во рту. – Тьфу... Сердцев в город вернулся.

– Да ладно?! Антон?! – Элька прижимает ладошки к щекам.

– Он самый, – зацепляю резинкой уже не такую растрёпанную косу. – Сегодня приехал. Жанна Вадимовна сказала, надолго.

– С чего бы вдруг? – подруга задумывается.

– Чёрт его знает, – пожимаю плечами. – Ладно, я побежала, потом поболтаем!

– Давай, – Элька возвращается к своему столу, заваленному проспектами и экскурсионными бумагами, а я почти в буквальном смысле бегу в библиотеку.

– О, Алёнушка, добрый день! – здоровается со мной пожилая библиотекарьша Людмила Васильевна.

– Добрый день, Людмил Васильевна, – выпаливаю, запыхавшись. – Ну что?!

– Пришли! – у глаз женщины разбегаются морщинки.

– Ур-ра! Где?! – оглядываюсь по сторонам.

– В хранилище лежат. Да подожди ты, тебе за них кучу бумаг подписать нужно! – Людмила Васильевна пододвигает

ко мне стопку. – Давай, прямо сейчас. Сегодня у тебя не будет времени толком поработать, потом уже!

– Эх! – с вождением смотрю в сторону двери хранилища, куда привезли несколько экземпляров рукописей, которые я давно просила у музея музыки в столице.

Написала кучу бумаг, запросов, подтвердила рекомендациями коллег и научного руководителя... Два месяца назад мне наконец пошли навстречу. А сегодня рукописи привезли специализированной доставкой! Они будут выставлены в рамках выставки, которую организует музей к юбилею композитора, а заодно я смогу их изучить. Но библиотекарь права, сегодня у меня на это времени нет.

– А директор на месте? – спрашиваю, проверяя бумаги и ставя свою подпись там, где нужно.

– Уехала, – качает головой женщина.

– Вот же... – расстроено поджимаю губы. – Я с ней поговорить хотела.

– Завтра вроде точно должна быть... – библиотекарь задумывается.

– Ладно, разберусь! – ставлю последнюю подпись, аккуратно собираю все документы в стопку. – Я тогда пойду, Людмила Васильевна, у меня ещё дела.

И свидание! Влад сказал, что пойдёт готовиться, мне бы тоже неплохо!

Только вот, когда я прибегаю домой, выясняется, что не

всем моим планам суждено сбыться.

** Гобой д'амур – деревянный духовой инструмент чуть побольше обычного гобоя, с более мягким и удивительно красивым тембром.*

** "Болеро" Мориса Равеля – произведение, в котором у гобоя д'амур есть сольная партия. Она чаще исполняется на английском рожке (другом инструменте семейства гобоев) из-за того, что гобой д'амур в оркестре есть далеко не всегда.*

Глава 4

Алёна

– Сейчас, моя красавица, сейчас, моя хорошая... – приговариваю своей кошке Лире, пока достаю и выкладываю ей в миску паштет.

Серая мурлыка обвивается вокруг моих ног и поёт – да-да, ну а какая ещё может быть кошка у скрипачки, правда? Я подобрала Лиру котёнком, и почти сразу выяснила, что она не просто мяукает, а протяжно и напевно выводит своё «мур-мяу». Конечно, после этого у меня рука не поднялась кому-то её отдавать, хотя изначально я планировала найти для неё другого хозяина. А теперь не могу даже представить, как бы я жила без своей певицы.

Опускаю миску на специальную подставку, Лира начинает есть, а я иду к шкафу. Надо решить, что надеть на сегодняшнее свидание. У меня, конечно, немало концертных нарядов, но хочется чего-то чуть попроще и поудобнее. Да и на улице пока прохладно, а уж под ногами... Тротуары в городе старше меня лет на двадцать, а то и на все сорок. А новые у нас если и кладут, то «традиционно» – прямо перед первым снегом. Естественно, по весне тот снег сходит вместе с асфальтом.

Не знаю, кто в нашем городе отвечает за дороги, но фляга

у этого товарища абсолютно точно слегка посвистывает. Всего пару лет назад произошла абсолютно анекдотичная история, когда перед приездом какого-то важного столичного чиновника в асфальт закатали рельсы на вполне себе действующем железнодорожном переезде. Видно, чтоб «высокое начальство» не растрясло.

В общем, дороги у нас – проблема, как и в основном по стране. Ну, и вторая известная проблема тоже присутствует. И с ней я сталкиваюсь практически так же часто, как и с отсутствующим тротуаром.

Вот и сейчас... С тоской смотрю на вибрирующий мобильный. Только начала одежду перебирать... Не буду отвечать! Не буду!

Уф-ф, экран телефона гаснет, но тут же загорается снова – начинают одно за другим приходить сообщения. Вытягиваю шею, читая начальные слова, высвечивающиеся в уведомлениях.

«Коллеги, напоминаю, сдать отчёты нужно до за...»

«Репетиция перенесена на утро, уведомите роди...»

«Кто не забрал сменную обувь?! Сообщите всем...»

Прикусываю губу. Вроде бы ничего срочного? Малодушно переворачиваю смартфон экраном вниз и, подхватив длинную юбку вместе с симпатичной свободной рубашкой, бегу переодеваться.

Покрутившись перед зеркалом, решаю, что выгляжу очень даже неплохо. Ещё накраситься – и вообще супер! Вот

только к бабانه надо забежать, сказать, что ухожу.

– Бабань? – спустившись к её квартире и открыв дверь, зову из коридора. – Это я!

– Алёнка, мы на кухне! – доносится голос бабушки.

Вдруг вспоминаю, что когда я уходила, с нами как раз поприветствовался Антон, и меня передёргивает. Надеюсь, бабуля на приглашала его домой! А если и приглашала, то он уже ушёл! Вот чего мне хочется меньше всего – так это видеть его самодовольную физиономию.

Помедлив, всё-таки скидываю тапочки и прохожу вглубь квартиры.

– Ох, добрый вечер, Иосиф Давидович, – от неожиданности стопорюсь в дверном проёме, уставившись на своего учителя.

– Добрый вечер, Алёнушка, – кивает мне пожилой мужчина, улыбается. – Сбил я тебя таки с толку, да?

– Немного, – киваю и улыбаюсь в ответ.

Несмотря на сложные отношения, хитросплетения и интриги внутри оркестра, к своему профессору я испытываю только тёплые чувства и благодарность. Но давненько он вот так вот запросто не заходил к моей бабуле! Неужели случилось что-то?

– Да ты не волнуйся так, Алён, – качает головой профессор. – Все вы, молодые, так – лишь бы таки потрепыхаться. Спокойнее надо быть, «служенье муз не терпит суеты», помнишь?

– Помню, Иосиф Давидович, – невольно улыбаюсь.

Как он меня третировал... Игра на скрипке – это было ещё полдела. А обязательное прослушивание классической музыки? У него в кабинете стоял – да и до сих пор стоит – самый настоящий патефон. И огромное количество виниловых пластинок. К девятилетнему возрасту я уже на слух легко могла определить, кто на записи играет первую сонату Баха для скрипки – Давид Ойстрах или Иегуди Менухин. Просмотры опер, балетов, походы на все концерты, которые только давали у нас в городе... И чтение, конечно. Хотя за это больше отвечала моя бабання, преподаватель русского языка и литературы.

Эти двое «спелись» на почве того, чтобы сделать из меня настоящего музыканта и дать мне образование. В подростковом возрасте я подозревала, что между моей бабулей, мужа которой не стало очень давно (деда я не помнила), и пожилым одиноким преподавателем было что-то типа романа, хоть никаких доказательств этому так и не нашла.

В детстве все мои непрекращающиеся занятия казались поначалу безумно скучными, но сейчас я была бесконечно благодарна своему учителю. Если бы не он, я никогда бы не добилась того, что имею сейчас. Музыка стала моей судьбой, частью моей жизни, и сделала меня по-настоящему счастливой. А ведь это так важно, когда ты с удовольствием делаешь свою работу.

Смотрю на бабулю, которая помешивает суп в кастрюльке

на плите. Второй человек, которому я обязана многим... И самый любимый.

– Что-то тебя на философские мысли потянуло, я прямо по лицу твоему вижу, – усмехается Иосиф Давидович. – А между тем я таки по делу.

– Что такое? – спрашиваю его, но подхожу к бабуле. – Бабуль, помочь?

– Не надо, – она улыбается. – Садись. Поешь?

– Нет, спасибо, – улыбаюсь в ответ и, не удержавшись, сообщая: – У меня сегодня свидание.

– Неужто с тем д'амуром, который с тебя на репетиции глаз не сводил? – скептически уточняет Иосиф Давидович. – Лучше б он таки в ноты смотрел так внимательно.

– Что ещё за Амур? – кидает на меня взгляд баба, и я прыскаю со смеху.

– Новый гобоист, – поясняю ей.

– Ничего особенного, – качает головой профессор.

– Иосиф Давидович, – говорю с укоризной, глядя на старика.

– Ладно, ладно, – он поднимает руки, – ты девочка взрослая. Сама таки разберёшься.

Дверь в квартиру хлопает.

– Кто-то пришёл? – с удивлением поворачиваюсь к коридору, и с трудом сдерживаюсь, чтобы не скривиться.

– Иосиф Давидович, холтер я нашёл и принёс, но всё же

хотел бы... – Антон тормозит на полуслове, видя меня. – Привет.

– Привет, – говорю через силу и отворачиваюсь.

Как же он меня раздражает! Зачем вообще, спрашивается, приехал? Сидел бы в своей Москве и не возвращался «в эту дыру» – не единожды слышала, что он терпеть не может наш город. Мне бы порадоваться. Ведь Антон – кардиолог, а с врачами у нас плоховато, бабани в последний раз чуть не за два месяца записывалась в поликлинику. Но радоваться не получается. Вообще это анекдот, конечно: кардиолог по фамилии Сердцев.

– Спасибо, спасибо, – кивает тем временем Иосиф Давидович.

– Я всё же хотел бы, – продолжает Антон с того места, где остановился, – чтобы вы прошли обследование.

– Молодой человек, я для этого слишком стар, – усмехается профессор. – Стоит только попасть в больницу – я оттуда уже не выйду. У нас, как известно, здоровых нет, есть недообследованные. А у меня таки фестиваль на носу.

– Я не предлагаю вам лечь в больницу, я предлагаю обследование, – качает головой Антон. – Это можно устроить и без госпитализации.

– Ну, разве что вот Алёнушка согласится меня подстраховать, – смотрит на меня хитро Иосиф Давидович. – Но у неё же свидание.

– Так, подождите, – прерываю их диалог. – Что происхо-

дит?

– Свидание? – одновременно со мной спрашивает Антон.

Мы оба косимся друг на друга. Не знаю, как мужчина, а лично я – с раздражением. Что за вопросы вообще?! Да ещё таким тоном. Что, по его мнению, меня и на свидание пригласить нельзя?

– А теперь давайте по порядку, – прошу Иосифа Давидовича. – Что такое холтер, зачем обследоваться, вы плохо себя чувствуете? И где я должна вас подстраховать?

– Ай, АнаПална, ну вы только посмотрите на эту *идише кецл**, – с соответствующим выговором произносит профессор насмешливо, обращаясь к моей бабуле. – Что ты мне голову делаешь, девочка! Нормально я себя чувствую!

Понимаю, что толкового ответа не дождусь и поворачиваюсь к Антону. Тот негромко отвечает:

– Холтер – это устройство, которое позволяет контролировать работу сердца в течение суток примерно. На самом деле так метод называется, но... неважно.

– Сердце? – снова поворачиваюсь к своему преподавателю, в груди у меня сжимается. – Иосиф Давидович, ну как же так?! Вы же обещали, что будете регулярно проверяться и будете осторожны!

– Учить она меня ещё собралась, – ворчит старый скрипач.

Встревоженно смотрю на мужчину. Он всё-таки уже очень пожилой... И если Антон предлагает обследование... Я плю-

ну на всю свою неприязнь к кардиологу и постараюсь договориться с ним – может быть, вместе нам удастся убедить Иосифа Давидовича.

– А что с подстраховкой? – уточняю у него.

– Ну, Алён, ты же знаешь, как Пал Петрович резко реагирует на перетрубации в коллективе, – пожимает плечами профессор. – Сядешь на моё место в оркестре. Тебе и так положено, собственно... Но я бы хотел, чтобы ты заранее обязательно показала мне свою «Серенаду». Скажем, через недельку ко мне заглянешь и сыграешь.

– Но... это ваше соло! – смотрю на Иосифа Давидовича растерянно. – Вы играли «Меланхолическую серенаду», ещё когда...

– Да-да, ты ещё пешком под стол ходила, – усмехается преподаватель. – Но, думаю, пора добавить свежую струю в исполнение.

– А Пал Петрович что думает по этому поводу? – уточняю подозрительно.

– А мы ему не скажем! – подмигивает мне учитель.

– Хотите и его довести, – понимающе вздыхаю.

– Когда-то я таки должен взять верх, – хмыкает Иосиф Давидович и тяжело поднимается. – Ладно. Молодой человек, я всё-таки попрошу вас помочь. Установите мне на днях ваши проводки и присоски, а я обещаю, что таки приду к вам на приём.

Сердцев, всё это время молча стоявший на входе в кухню,

кивает и, посторонившись, пропускает моего преподавателя.

– Анна Павловна, спасибо за чай, – поворачивается к бабانه, улыбается.

– Заходи, Антон, – тепло кивает ему бабуля, заставив меня еле заметно поморщиться.

Знаю, мою бабушку все её бывшие ученики обожают. Но что поделать, если с соседом у нас с детства непрекращающиеся битвы.

– Я тогда тоже пойду, бабань! – кидаю взгляд на часы и понимаю, что за мной вот-вот заедет Влад.

– Беги, беги, – кивает бабушка. – Удачного тебе свидания!

Ловлю на себе взгляд Антона и отворачиваюсь. Но на лестничную клетку мы выходим вместе. Иосиф Давидович, видимо, уже спустился на улицу – профессор живёт в паре домов от нашего.

– Что за свидание, пончик? – язвительно спрашивает меня кардиолог.

– По-твоему, это смешно – вспоминать старое школьное прозвище, которым ты же меня и называл? – выпрямляюсь, стараясь не показывать, как меня это раздражает.

В конце концов, я уже не та маленькая девочка, которая плакала из-за постоянных дразнилок. И ведь прозвище-то дано было ни за что... Я не была толстой, наоборот, бабушка всегда переживала, что я слишком худенькая. Но пончики... это было единственное, что я могла есть в жуткой школьной столовке. Вот и прилипло ко мне... Не без помощи Антона,

естественно.

– Извини, – вдруг говорит Сердцев. – Да, наверное, не смешно.

Это его извинение звучит настолько неожиданно, что я не нахожусь, что сказать. Просто кидаю на мужчину последний взгляд и поднимаюсь к себе, на этаж выше. Надо немного успокоиться. Беру мобильный, не подумав, открываю сообщения в мессенджере, и только потом спохватываюсь. Ой, бли-и-ин... Теперь всё будет отмечено прочитанным!

Ладно, с чем-то можно разобраться быстро, а вот с сообщением от директора о переносе репетиции оркестра... Да вашу ж дивизию! Похоже, на свидание мне остаётся всего пара часов. В лучшем случае. Придётся извиниться перед Владом...

Вот только мужчина уже пишет, что подъезжает. Ругнувшись себе под нос, сбегая вниз, чтобы ему не пришлось подниматься к квартире, и у подъезда... снова натыкаюсь на Антона. Да что ж такое-то?!

– И это твоё свидание? – мужчина скептически рассматривает выходящего из машины гобоиста.

– Заткнис-с-сь, – суфлирую засранцу-соседу и, улыбаясь, иду к Владу.

– Ты прекрасно выглядишь, – мужчина оглядывает меня с явным восхищением в глазах. – Это тебе!

Достаёт с переднего сиденья немаленький такой букет,

протягивает.

– Ох, Влад! Спасибо большое, – принимаю у него цветы, зарываюсь в них носом. – Очень красиво...

Сама понимаю, что голос у меня начинает звучать виновато.

– Что-то случилось? – с беспокойством уточняет у меня гобоист.

– Случилось, – киваю со вздохом. – Внеплановая репетиция оркестра у меня случилась...

– Секунду, что? Нам что, репетицию назначили?!

– Ой, прости, нет, не нам, конечно, – говорю торопливо. – То есть, не нашему симфоническому. Я непонятно сказала... Это у меня в музыкальной школе...

– А-а, а то ты меня напугала, – Влад улыбается. – То есть, наше свидание придётся перенести?

Мне очень приятно, что он не говорит «отменить».

– На самом деле, мы можем сегодня просто поужинать вместе, недолго, – несмело улыбаюсь ему. – До репетиции ещё почти два часа. А потом уже договориться о настоящем свидании. То есть, только если ты хочешь, конечно, я не настаиваю...

– Алён, не переживай так, – он успокаивающе касается моего плеча. – Конечно, я с удовольствием просто поужинаю с тобой! И подвезу тебя до школы, так мы сможем больше времени вместе провести.

Я растроганно улыбаюсь. До чего же он милый!

– Тогда подожди меня минутку, пожалуйста, – прошу мужчину. – Я так торопилась тебя встретить, что даже сумку не захватила. Сейчас, быстренько поднимусь...

– Конечно, – мужчина пожимает плечами.

Киваю, разворачиваюсь к подъезду и вздрагиваю. Оказывается, Антон всё это время стоял буквально в двух шагах и прекрасно слышал весь наш разговор. А теперь скептически приподнимает бровь, глядя на меня.

Ну и чего он так себя ведёт, словно... словно... не знаю, старший брат сестру провожает на первое свидание и одним своим видом обещает оторвать ноги ухажёру, если тот не дай бог что-то не то сделает!

Вот же глупости мне в голову лезут. Не обращая внимания на соседа, захожу в подъезд и торопливо взбегаю по лестнице к своей квартире. Так, цветы быстро поставить в воду... сумка, скрипка, ноты... раз я на репетицию сразу после ужина. Быстро хватаю всё необходимое и практически кубарем скатываюсь на первый этаж.

Слава всем богам, Антон уже свалил. Была бы рада сказать «с концами», но тут мне совершенно точно не повезёт. Улыбаюсь Владу, и мужчина распахивает дверь автомобиля.

– Алён, можно спросить? – уточняет, когда я подсказываю ему адрес того ресторанчика, о котором мы с ним говорили днём, и он вбивает его в навигатор.

– Конечно, – улыбаюсь немного нервно.

– Этот мужчина, с которым ты разговаривала... – Влад

медлит, и мне понятно, почему.

Он достаточно деликатен, и я решаю ему помочь, не дожидаясь вопроса:

– Это мой сосед, – хмыкаю печально. – Враг детства.

– Даже так? – гобоист кидает на меня задумчивый взгляд.

– Просто я заметил, каким взглядом он смотрел в мою сторону, вот и...

– Мы с начальной школы друг друга терпеть не можем, – уверенно качаю головой.

– А мне показалось, что его можно назвать моим соперником, – тонко улыбается музыкант. – Разве нет?

—

** идише кецл – (ид.) бестолковая*

Глава 5

Антон

Я смотрю на удаляющуюся машину из окна своего подъезда и думаю о том, что есть какая-то причина моему абсолютно дурацкому поведению. И чего я так взъелся на соседку и на её глиста-ухажёра? Может, ностальгия по детству нахлынула? Хотя нет, с чего бы. Ненавидел школу. Из всех преподавателей любил только Анну Павловну, Алёнкину бабушку.

Невольно улыбаюсь. Она почти не изменилась. Возраст, конечно, сказывается, но выглядит бабана такой же бодрой, как и в моём десятом классе, когда она объясняла нам поведение Обломова и Онегина эндокринными нарушениями и недостатком тестостерона. Помню, до хрипоты спорили всем классом, какие болячки могли быть у главных героев классических произведений, что они вели себя порой так по-дурацки. Именно на её уроках я укрепился в мысли, что хочу стать врачом. Хотя казалось бы – где литература, а где медицина.

Вздохнув, поднимаюсь в квартиру. Завтра меня представят коллективу больницы, а сегодня ещё встреча с матерью предстоит... До сколько у неё там будет этот её педсовет?

Стоит только подумать, как в замке слышится шорох клю-

ча.

– Антоша? – зовёт мать из коридора, заставив поморщиться.

Знает ведь, что я терпеть не могу, когда меня так называют.

– Привет, мам! – выхожу в коридор.

– Ох, какой ты у меня! – расплывается в улыбке мать. – Как я рада, что ты приехал!

Покорно сношу объятия и поцелуи, отвечаю на все вопросы, помогаю разобрать сумки и думаю только о том, как объявить матери, что жить я буду не с ней, а в квартире отца, точнее, родителей по отцовской линии. Их хоть и нет в живых уже больше пятнадцати лет, как и папы, которого не стало десять лет назад, но мать всё равно коллекционирует обиды на свёкра со свекровью и продолжает вспоминать, как ей было с ними тяжело.

Говорю о своём решении сразу после ужина – чего оттягивать. И вполне закономерно получаю в ответ поджатые губы и обиду. Ну, к этому я был готов. Хорошо хоть, скандал не закатила. Заодно сразу объявляю, что нашёл работу.

– В Красной больнице?! – мама возмущённо и немного пренебрежительно кривится. – Зачем ты так поторопился? Я бы поговорила с главврачом ведомственной, у нас в лицее учится его племянница, он бы пошёл мне навстречу! Там и зарплата выше, и престиж...

– Мам, меня меньше всего волнует престиж, – решительно

качаю головой.

Не хватало ещё, чтобы мне место по протекции матери давали! Совсем уже... Никакого самоуважения не останется!

– Антон, ты не понимаешь... – мать явно настроена на спор, но я перебиваю её.

– Мам, я не буду с тобой ругаться. Но и в ведомственной больнице работать не буду! Я уже выбрал место работы и устроился. Завтра первый рабочий день. Мне хочется спокойно отдохнуть, а не спорить.

– Ладно, сынок, извини, – она быстро идёт на попятный, но я свою родительницу знаю.

Наверняка ещё придётся отбрыкиваться от разных предложений.

Но сегодня мне дают передышку. Даже удаётся почти нормально выспаться – естественно, я не переезжаю сразу, остаюсь на ночь у матери. С утра торопливо подскакиваю, отказываюсь от обильного завтрака, вызвав очередной всплеск возмущения, что питаюсь как попало.

Вот не может она понять, что я давно вырос и привычки у меня свои. А от завтраков меня и в детстве тошнило. Никогда не мог есть по утрам.

Больница встречает привычными и приевшимися за столько лет работы запахами и звуками. Сразу иду к главврачу, тот уже на месте и ждёт.

– Антон Сергеевич, рад вас видеть! Идёмте! Утренние конференции у нас проходят наверху, под колокольней, – ки-

вает мне главный, а я улыбаюсь про себя.

Значит, и сами врачи называют эту башенку колокольной. Надо же, забавно.

– Коллеги, в нашем полку пополнение! – объявляет главный врач сразу, как только шум в зале, куда мы пришли, затихает. – Позвольте представить, Антон Сергеевич Сердцев, наш новый кардиолог! Прямиком из Москвы, великолепный специалист! Прошу любить и жаловать.

Я киваю всем и торопливо сажусь на ближайшее свободное место. Чувствую, что на меня направлены все взгляды, и от этого под ложечкой противно посасывает.

Успокойся уже, говорю сам себе. Никто не может знать, почему ты здесь. Да, столичные врачи редко вот так меняют место работы. Но мало ли, какие могут быть причины.

Главный тем временем выслушивает доклады от ответственных дежурных, медсестёр отделений и прочих, в порядке очереди. Кризисов не было, внеплановых ситуаций не случалось, так что всё в пределах нормы. После окончания снова берёт слово. Я уже напрягаюсь, думая, что речь опять пойдёт обо мне, но дело оказывается в другом.

– Коллеги, как вы знаете, этот год в нашем городе юбилейный! – начинает главврач. – У нашего великого земляка, всемирно известного композитора, круглая дата – сто восемьдесят лет! По этому поводу руководство ежегодного фестиваля собирает расширенный общественный совет, и нам необходимо решить...

Всё это меня не касается, а музыка «нашего великого композитора» всегда вгоняла меня в тоску и сон, поэтому отключаюсь от слов врача, рассеянно ведя взглядом по окнам и стенам.

– ...думаю, Антон Сергеевич, как молодой перспективный специалист из столицы, будет рад взять это на себя! – «включается» у меня в ушах голос главного, заставив застыть на месте.

И что я пропустил?!

Вот же... дерьмовая ситуация! Сижу, как идиот, а ко мне ещё и начинают поворачиваться лица врачей, явно не понимающих, почему я молчу.

– Э-э-э... конечно, – ляпаю уверенно.

– Прекрасно! – расплывается в улыбке главный. – Вас позже введут в курс дела более подробно. Ну что ж, коллеги, все свободны, работаем!

Встаю вместе с остальными и медленно иду в сторону выхода. Ну и на что я согласился?! Зараза, надо было слушать, а не ворон считать...

– Антон Сергеевич, – меня нагоняет главврач, – спасибо, что согласились! Сами понимаете, вы столичный врач, веса у вас побольше будет, чем у любого другого. Да и молодым у нас везде дорога, так ведь? – усмехается, и я отвечаю кривой улыбкой.

– Конечно. Надеюсь, это не отнимет... чересчур много времени от... основной работы? – осторожно строю фразы,

чтобы было непонятно, что у меня нет ни малейших идей, под чем я подписался.

– Ну-у... сколько-то времени займёт, конечно, – главврач кидает быстрый взгляд на часы и торопливо обходит меня: – Вам объяснят, что от вас понадобится, не переживайте! Прошу прощения, мне пора.

Да уж... Смотрю, как пожилой мужчина бодро сбегает вниз по ступенькам крыльца, и со вздохом иду к нужному кабинету. Своего у меня пока нет... Но приём же где-то нужно вести.

– ...ну да, конечно, помнишь, как в прошлый раз было? – открываю дверь и слышу насмешливый женский голос. – До сих пор шутки ходят! Сто семьдесят пятое совещание к сто семьдесят пятой годовщине!

Раздаётся дружный смех, который тут же прерывается, стоит мне зайти в кабинет.

– Ой, здравствуйте, Антон Сергеевич! – молоденькая медсестра здоровается со мной, окидывает меня заинтересованным взглядом.

– Добрый день, – киваю ей.

– Иди, Вера, иди, – другая женщина, постарше, кивает девушке на выход, но та не спешит.

– Антон Сергеевич, если вам понадобится что-то... буду рада помочь, обращайтесь! – Вера многозначительно смотрит на меня.

– Вер, давай уже, у нас скоро приём начнётся, – хмыкает...

видимо, моя медсестра, которую поставили мне в пару.

– Спасибо за предложение, Вера, – киваю девушке и, заметив довольный блеск в её глазах, ругаюсь про себя.

Она, похоже, поняла совсем не то, что я пытался сказать. Интрижек на работе мне не нужно, спасибо большое! В маленьком городе, где все друг друга знают, сплетни разносятся в мгновение ока. Не успею оглянуться, как все будут обсуждать, когда свадьба. Нет уж!

Вера всё-таки исчезает за дверью, послав мне ещё один многообещающий взгляд, а я опускаюсь на своё рабочее место.

– Прошу прощения... – смотрю вопросительно на медсестру напротив.

– Наталья Николаевна, – кивает мне женщина.

– Очень приятно, – с облегчением киваю в ответ. – Ну что, приступим?

День пролетает незаметно. Работа для меня – отдушина, с помощью которой я забываю о своих проблемах. Да, конечно, здесь не столица. Многое раздражает – старое оборудование, дурацкие, чуть не при Советском Союзе напечатанные, желтоватые бланки, зависающий рабочий компьютер, который не тянет внутреннюю систему учёта... Но ко мне приходят люди. Каждый – со своей проблемой. И в моих силах эту проблему если не решить, то хотя бы облегчить состояние человека.

После основного приёма я перехожу в стационар, который

здесь тоже есть – небольшой, правда, но неплохой. Медсестра успевает обронить, что главный не так давно выбил деньги на ремонт. Выглядит всё действительно подновлённым.

За мной пока не закреплены палаты, но в моей консультации нуждаются несколько пациентов, так что и тут мне есть чем заняться. В итоге с текущими делами я окончательно разбираюсь только к вечеру.

Переодевшись в кабинете, устало иду в сторону выхода, но уже почти у самых дверей меня окликает дежурная медсестра.

– Антон Сергеевич! Вас тут ждут!

– Кто? – поворачиваюсь и столбенею на месте.

– О, господи, только не говори, что это тебя отправили в общественный совет?! – разочарованно стонет вывернувшая из-за угла Алёна.

– Какой ещё... – проглатываю непечатное слово, которое так и просится на язык, – ...общественный совет?!

– Ну ясно, – с отвращением смотрит на меня соседка.

Разворачивается на каблучках и стремительным шагом выходит из больницы. Сам не понимая, зачем я это делаю, иду за ней.

– Стой, пончи... – вылезает автоматически дурацкое детское прозвище, и я еле успеваю заткнуться. – Алёна, подожди!

– Какого чёрта тебе надо? – девушка не останавливается, только оборачивается через плечо.

– Ты же зачем-то пришла сюда, так? – догоняю её, пристраиваюсь рядом, хотя тротуар здесь не предназначен для парочек.

– Слушай, Антон, – она всё-таки тормозит, хмуро смотрит на меня. – Как ты умудрился согласиться? Ты же терпеть не можешь все эти городские дела, а на концертах просто спишь!

– Не сплю, – возражаю, хотя она права.

С ней рядом возвращаются все дурацкие привычки молодости – просто не хочу соглашаться с тем, что она говорит.

– Ну да, ну да, – хмыкает Алёна язвительно. – То есть это не ты храпел на весь зал тогда на концерте, который давали выпускники музыкальной школы.

– Это было чёрт знает сколько лет назад, – складываю руки на груди. – И я тогда был невыспавшимся.

– Так, ладно, это бессмысленный разговор, – девушка пихает меня в сторону. – Дай пройти!

– Алён, меня отправили в этот... как его... общественный совет, значит, я должен там быть, – внутренне кривлюсь, но стараюсь этого не показывать.

Плюнул бы я на всю эту чушь с той самой колокольни, что на крыше Красной больницы. Но мне здесь работать ближайшее время. И конфликтов с коллективом и с главным лучше бы избегать. А то запросят ещё, не дай бог, какие-нибудь рекомендации с прошлой работы... И вот тогда я точно попаду по полной...

Девушка вздыхает, смотрит на меня подозрительно. Под её взглядом старательно делаю заинтересованное лицо.

– Можешь не стараться, – она, как и когда-то в детстве, понимает всё без слов. – Я твою физиономию отлично знаю. Ладно. У меня тоже особо выбора нет. Пойдём, сядем куда-нибудь и поговорим.

Очень удачно подходит трамвай, и мы с Алёной проезжаем пару остановок, чтобы не идти пешком. Держась за поручень, поглядываю на свою спутницу и печально изумляюсь – как я умудрился дойти до такой жизни?!

– Сюда, – прыгнув с подножки, она показывает рукой вперёд. – Здесь очень неплохой ресторанчик, недавно открылся, они подают отличные домашние пельмени. Ты голодный, наверное, после работы.

– Пойдём, – вздыхаю. – Поедим пельмени и поговорим.

Что-то мне подсказывает, что ничего особенно воодушевляющего я не услышу.

Глава 6

Алёна

Нет, ну надо же! Этого, прости господи, идиота выбрали в общественный совет, который будет решать все вопросы, связанные с фестивалем! Сил моих просто нет...

Мы садимся за небольшой столик. Антон со слегка презрительным выражением берёт меню. Ну да, не столичные рестораны. Но здесь очень мило! Хозяйка этого места любит травы, специально ездит загород их собирать, и на каждом столе, покрытом красно-белой в мелкую клетку скатертью, стоят небольшие пучки сухостоя. И с балок тоже свисают ароматные сборы.

– Что вам подать, мои хорошие? Здравствуй, Алёнушка! – к нам подходит сама хозяйка, женщина средних лет, с любопытством и одобрением смотрит на Антона.

Чуть не фыркаю. Это пока она его не знает. И тут же вздыхаю. Стоит признать, что в школе по нему половина девочек сохла. А вторая половина отсыхала после расставания.

– Здравствуйте, Елена Аркадьевна, – улыбаюсь женщине. – Мне, пожалуйста, порцию ваших домашних со сметаной.

– Хорошо, милая, – она поворачивается к мужчине. – А вам?

– То же, что и ей, но порцию двойную, – Антон улыбается во все зубы, и я закатываю глаза.

Елена Аркадьевна довольно кивает и уходит, а я кидаю на Сердцева взгляд исподлобья.

– Алён, – вдруг обращается ко мне кардиолог, – может, зароем топор войны?

– В лесу сдохло что-то большое и вонючее, – неверяще смотрю на мужчину. – С чего бы вдруг? Ты меня всё так же раздражаешь, как и я тебя.

– Мне казалось, мы повзрослели, – хмыкает Антон, а потом вдруг устало качает головой. – Слушай, я серьёзно. Просто давай... сделаем вид, что всё нормально. Хотя бы сейчас.

Пожимаю плечами, глядя на него. Он действительно выглядит измотанным. И как бы я к нему ни относилась, он ведь... и правда неплохой врач. Плохой не работал бы в одной из лучших клиник столицы. Жанна Вадимовна бабушке все уши на эту тему прожужжала, ну и я в курсе, само собой. Почему же он вернулся?..

– Ладно, – протягиваю ему руку через стол. – Мирное соглашение между нами невозможно, но можно заключить пакт о ненападении.

– Отличная идея, – Антон пожимает мне ладонь и ухмыляется.

Нам приносят пельмени, и мужчина, накалывая первый на вилку, спрашивает:

– Можешь всё-таки рассказать, что это за общественный

совет и что мне придётся там делать?

– Это совет, который собирают из специалистов разных направлений, чтобы организовать фестиваль, – неопределённо помахиваю рукой, – ну... расписание, все площадки, на которых устраиваются концерты и мероприятия, кого приглашать, как расселять приезжих артистов, много всего. Но ты врач. Кстати, не припомню, чтоб раньше у нас были врачи, – задумываюсь, потом пожимаю плечами, – ну да ладно. На каждом массовом мероприятии должны обязательно дежурить врачи скорой, скорее всего, ты займёшься этим – будешь утряхивать расписание, отслеживать, как и что. Займёшься организацией безопасности всего этого процесса с медицинской точки зрения. Ну и ещё чем-нибудь.

– А поточнее нельзя? – страдальчески уточняет Антон.

– Ну, ещё тебе нужно будет присутствовать на всех-всех концертах, которые будут проходить во дворце и в музее, – сообщаю ему, мстительно улыбаясь.

Мужчина стонет и роняет голову на стол.

– Да вы издеваетесь?!

– Не забудь высыпаться перед каждым, – хмыкаю, складывая руки на груди. – Будешь сидеть в первых рядах. Не думаю, что мэру и всем прочим руководителям будет приятно слушать твой храп!

– За что мне это мучение? – он запускает пальцы себе в волосы.

– За грехи, – язвительно улыбаюсь.

– Я до конца жизни столько не нагрешу, – фыркает Антон.

– Ничего, жизнь длинная, – вздыхаю. – Уверена, в аду для тебя приготовят местечко с круглосуточным прослушиванием классической музыки.

– А ты, я гляжу, счастлива от этой перспективы, – мужчина хмуро смотрит на меня.

– Люблю приобщать девственных в смысле культуры людей к высокому искусству, – отправляю в рот последний пельмень.

– С девственностью я давно расстался, – кривится Антон, чуть не заставив меня подавиться. – То, о чём ты говоришь – это извращение. А у меня классические вкусы.

– Я бы прекрасно прожила и без этого знания, – качаю головой и поднимаюсь.

– Ну вот, только разговор стал интересным, как ты сбегаешь, – мужчина откидывается на спинку стула. – А как твоё свидание, кстати? Как раз твой кавалер показался мне слегка нетрадиционным парнем. Не боишься, что он практикует какое-нибудь БДСМ?

– А ты у нас в этом деле большой специалист? – медленно, но верно начинаю закипать. – Ай-яй-яй, какой плохой мальчик!

Антон давится и закашливается. Удовлетворённо киваю головой. Вот так-то, знай наших!

– Ну ты даёшь, пончик! – отдышавшись, мужчина смотрит на меня весело, а я стискиваю зубы, услышав ненавистное

прозвище. — Я прямо представил тебя, всю такую... в латексе, на шпильках и в маске. И привязанного мужика!

— Ах ты... — сжимаю кулаки.

— А самое ужасное знаешь, что? — в его голосе слышится еле сдерживаемый смех. — Ты же этого несчастного не плёткой лупить будешь, а на скрипке ему играть! Вот где настоящий садизм!

Разворачиваюсь на каблуках и вылетаю из ресторана, провожаемая сдавленным хохотом.

Ненавижу!!!

Ух, я бы этого Сердцева...

Вот уж кому бы ремня всыпать!

Чтоб он в оркестровую яму провалился! Чтоб ему жениться на пианистке и всю жизнь гаммы слушать! Чтоб...

— Алён, — раздаётся у меня за спиной, — Алёнка, ну ладно тебе, не злись...

Стремительно разворачиваюсь, собираясь сказать этой сволочи всё, что я о нём думаю, но каблук у меня попадает в ямку между камнями, и нога подворачивается.

— Ай!..

— Да что ж ты будешь делать! — Антон ловит меня в последнюю минуту, не давая упасть на тротуар.

Мы оказываемся лицом к лицу так близко, как ни разу не были. Я вдруг замечаю, какие у него густые ресницы. Да и вообще глаза красивые. Тёмные, блестящие. Несправедли-

во... зачем мужчине такие, спрашивается?

А потом понимаю, что уже не меньше половины минуты просто стою, обнимая этого... этого... А он обнимает меня! И прижимается! И тяжело дышит...

– Отпусти! – дёргаюсь, чтобы вырваться.

– Ты пыхтишь, как сердитый ёж, – мужчина улыбается, отступает, придерживая меня за талию и давая восстановить равновесие.

– Сам ты пыхтишь, – огрызаюсь совершенно по-детски.

– Ладно, – он тянет меня за локоть, – пойдём, провожу.

– Сама дойду! – отбираю у него свою руку.

– Не будь такой вредной, ёжик, – Антон качает головой. – Слушай, а тебе идёт гораздо больше, чем пончик! Маленькая колючка... Буду тебя ёжиком звать.

– Да хватит уже, – шмыгаю носом.

Лодыжка побаливает, и вообще я расстроилась. Мне теперь весь фестиваль работать с этим гадом. А я ведь так ждала, это моё самое любимое время года!

– Только не говори, что ты мне тут реветь собралась! – слышу напряжённое.

– Не дождёшься, – снова шмыгаю и вздыхаю.

Ведём себя, как маленькие... Я, конечно, тоже хороша – ведусь на все его шпильки. А надо просто игнорировать.

Следуя своим мыслям, разворачиваюсь в сторону дома.

– Господи, а это что?

Смотрю через плечо на Антона, уставившегося на огром-

ную вилку в человеческий рост с наколотым на неё сверху пельменем. Невольно улыбаюсь. Хозяйка ресторана установила эту... не знаю даже что, наверное, инсталляцию поблизости от входа, сразу после открытия. Поэтому теперь это место иначе как пельменем не называют. Говорят: «Встретимся у пельменя!»

– А что тебе не нравится? – спрашиваю у кардиолога.

Он пожимает плечами.

– Да ничего... забавно, наверное.

– Здесь все фотографируются, – хмыкаю, складываю руки на груди. – Хочешь, сниму тебя, пошлешь фотку друзьям... – растерянно замолкаю, потому что выражение лица мужчины стремительно меняется.

Мне становится даже как-то неловко. Я явно испортила ему настроение этими словами, хотя не могу понять, как.

– Нет, спасибо, – он отворачивается, а когда снова смотрит на меня, то выглядит совершенно спокойным и равнодушным. – Точно не хочешь, чтобы я тебя проводил?

– Нет, – отвечаю на автомате, качая головой.

– Хорошо, увидимся, – Антон кивает и, развернувшись, уходит, сунув руки в карманы.

Недоумевающе пожимаю плечами. Станный он какой-то.

Огибаю ресторан и выхожу на узенькую улочку. С одной стороны она ограничена задней стеной городской больницы, вплотную к которой идёт забор, а с другой сюда выходят

ограды выстроенного несколько лет назад «европейского» квартала – так у нас называли небольшой район, где вместо многоквартирных домов построили таунхаусы на несколько семей.

Местечко тихое... и глухое. Один-единственный тусклый фонарь на всю улицу, да ещё и моргает время от времени, как в фильме ужасов, а уже стемнело. Чёрт, зря я здесь пошла... Но это самый быстрый путь домой! Ладно, тут идти-то несколько минут. Сейчас дойду до конца, сверну и выйду на оживлённую улицу.

Но до улицы я дойти не успеваю. Впереди со звоном разбивается бутылка, раздаётся мат и смех на два голоса. Мужских.

Вздрогнув, невольно останавливаюсь на секунду, сжимаю руки на ремне сумки, перекинутом по диагонали через грудь. Разворачиваться и возвращаться смысла нет, в другую сторону идти ещё дальше, а они уже двигаются мне навстречу, переговариваясь между собой.

Беру себя в руки и снова шагаю вперёд. Ничего не случится... Ещё несколько десятков шагов – и уже будет перекрёсток. Главное, не показывать, что боюсь. Не смотреть на них! Смотреть только прямо перед собой!

Лучше бы смотрела под ноги. Потому что с тротуарами у нас всё печально – и я спотыкаюсь на очередной ямке, чуть не потеряв равновесие. Острая боль в лодыжке напоминает, что совсем недавно почти то же самое произошло возле ре-

сторона.

– Эй, осторожнее! – развязный голос одного из мужчин застаёт меня врасплох. – О, эй, а ты ничо такая! Составишь компанию нам? – поддерживает второй, похоже, значительно более пьяный.

Я молчу, прикусив губу, и только продолжаю идти вперёд, стараясь не прихрамывать.

– Чего ты такая невежливая, а? Мы к тебе по-хорошему... Давай, пошли с нами!

Я шарахаюсь в сторону, когда мужчина тянется ко мне.

– Н-нет, спасибо, – ну почему у меня такой испуганный голос... – Спасибо, я тороплюсь... извините...

– Да ладно тебе, чё ломаешься, пошли! Боишься, что ли? Так не обидим, – они снова смеются, но этот смех пугает ещё сильнее.

– Нет... – сильнее вцепляюсь в ремень сумки, как будто он может меня как-то защитить.

– Чё так держишься, бабки что ли несёшь? – гогочет первый. – Слышь, Колян, кажись, она с баблом... Давай сюда, глянем, чё там у тебя! И тут тоже глянем...

Его рука ложится на ремень, потом сдвигается к рёбрам под грудью, и меня передёргивает от ужаса пополам с отвращением.

– Мужики, идите, куда шли, – раздаётся ровный голос со стороны перекрёстка, до которого я так и не добралась.

Рывком поворачиваюсь туда и вижу в темноте, которую не

рассеивает фонарь, мужскую фигуру.

– А те чё надо? – тот из пары, кто попьаннее, качается в ту сторону, размахивает руками, пока его товарищ продолжает тянуть меня за сумку. – Рыцарь бл.. нашёлся... вали нахрен!

– Последний шанс вам уйти спокойно, – Антон подходит ближе, внимательно глядя на пьянчугу, переводит взгляд на его дружка, который в замешательстве стоит возле меня. – Отпусти девушку.

Господи, кто бы мог подумать, что когда-нибудь я буду так рада его видеть...

– Ты, мудозвон, ещё нам указывать будешь?! – пьяный ментально скатывается в агрессию и идёт на врача с кулаками. – Ах ты...

Зажмуриваюсь от ужаса и пропускаю тот момент, когда один из мужчин оказывается на земле. Второй, тут же отпустив меня, пятится и убегает куда-то в темноту, а я, зажав рот руками, чтобы не орать, смотрю, как Антон снова поднимает пьяницу с земли за грудки и бьёт его ещё раз... и ещё...

Он же... он же убьёт его!

– Антон! – выйдя из ступора, подбегаю к мужчине, хватаю его за плечи, повисаю на занесённой для очередного удара руке. – Хватит! Хватит! Остановись! Пожалуйста!

Кардиолог переводит на меня бешеный взгляд.

– Пожалуйста! – умоляю его, сухо всхлипывая и трясясь. – Успокойся... Не надо...

Он, словно очнувшись, отпускает воротник стонущего пьяницы. Брезгливо отряхивает ладонь.

– Пойдём, – тянет меня за собой.

В полном молчании мы доходим до перекрёстка. И только оказавшись под ярким фонарём, освещающим улицу, мужчина отпускает мою руку.

– Ты в порядке? – спрашивает каким-то механическим тоном.

– Д-да, – вздрогнув в очередной раз, судорожно киваю. – Да, они ничего не успели... Спасибо.

Антон слегка качает головой, устало и с каким-то раздражением трёт лоб ладонью, и я замечаю, что костяшки у него сбиты.

– У тебя кровь... – говорю тихо.

– Где?.. А, это ничего... – он всё-таки приходит в себя, голос тоже возвращается к норме. – Дома обработаю.

– Дома у матери?

Мы переглядываемся, оба явно подумав об одном и том же. Жанна Вадимовна, его мама, будет «в восторге».

– Идём, – киваю ему. – Я помогу.

Глава 7

Алёна

До дома мы доходим быстро, почти не разговариваем по пути. Почему молчит Антон – я не знаю, а мне немного неловко. Если бы я не начала строить из себя самостоятельную недотрогу, он бы пошёл меня провожать и тогда, может быть, ничего бы не случилось.

А ещё... меня напугал его взгляд. Тёмный, немного безумный, когда мужчина потерял над собой контроль. И мне не удаётся выкинуть из головы мысль: а насколько хорошо я его вообще знаю? Что с ним произошло за последние годы? Или даже не годы, а месяцы?

– Слушай, я... может, всё-таки домой пойду, – неуверенно говорит Антон, когда мы оказываемся у моего подъезда. – Мать не хочется нервировать.

– Как хочешь, – качаю головой, вытягиваю шею, смотрю на окна его квартиры. – Она, кажется, ещё не спит.

– Чёрт, – вполголоса ругается мужчина, сдвинувшись и тоже увидев, что на кухне его квартиры горит свет.

– Ну напиши ей, что тебя попросили остаться подежурить, – пожимаю плечами. – Поднимешься ко мне, я тебе руку обработаю, подождёшь, пока она заснёт и вернёшься домой.

– Слушай, ёжик, а ты, оказывается, не такая уж правильная девочка, – вдруг фыркает Антон. – Так быстро оправдания придумать...

Закатываю глаза. У меня вообще-то есть опыт, только о нём никто не знает.

– Только не надо думать, что я так уж хочу затащить тебя к себе, – поджимаю губы. – Решай сам, на какую тему твоя мать будет скандалить больше – из-за разбитой руки или из-за того, что не пришёл вовремя.

– Я от неё перееду в ближайшее время, – зачем-то сообщает мне мужчина.

– Я, знаешь ли, не удивлена, – пожимаю плечами. – Ну так что, ты идёшь? А то я замёрзла стоять.

– Да, пойдём. Спасибо, кстати, – добавляет Антон, спохватившись.

Отмахиваюсь и иду к подъезду.

– Привет, моё солнышко! – зайдя в квартире, подхватываю на руки мяукающую Лиру. – Проходи, – киваю мужчине и со вздохом облегчения скидываю обувь. – Сейчас я Лиру покормлю и помогу тебе.

– Если аптечку дашь, я сам обработаю, – говорит мне вслед Антон.

– Как хочешь, – пожимаю плечами, отпускаю кошку и достаю из шкафчика коробку со всякими лекарствами.

Пока выкладываю Лире паштет, кардиолог достаёт перекись водорода и вату и начинает, морщась, промывать сса-

дины.

– Давай сюда, – помыв руки, отбираю у него пузырьёк. – Приподними руку, у тебя вот здесь сбоку ещё осталось.

– Спасибо, – выдыхает Антон и тут же снова шипит. – Ай, чёрт, щиплет!

– Чуть-чуть осталось. Вот и всё, – выбрасываю использованную ватку, дую на болячку и тут же смущаюсь. – Извини, привычка, с детьми работаю, а у них вечно то ссадины, то царапки...

– Да ничего, – мужчина бросает на меня взгляд искоса и откидывается на стену.

Мы молчим некоторое время, а потом он спрашивает:

– Ты как?

– Я? – обхватываю себя руками и только сейчас понимаю, что меня начинает отпускать. Колени слабеют, опускаюсь на стул. – Н-нормально... вроде бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.